

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Материалы XXIII Международной
научной конференции факультета иностранных языков
Томского государственного университета
(студенческая секция)

21–24 октября 2012 г.

Томск
2013

**РЕЦЕПЦИЯ ГОРАЦИЯ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX–XXI вв.****М.В. Гончарова, С.Ю. Суханова***Томский государственный университет*

Рецепция мировоззрения, творчества, личности и поэтики Горация широко распространена в русской поэзии второй половины XX–XXI вв. и имеет различный характер выражения: цитаты, переводные цитаты, аллюзии, реминисценции, использование принципов поэтики Горация.

Цель данной статьи – продемонстрировать частотность и разнообразие рецепции горацианского наследия в русской поэзии второй половины XX–XXI вв.

Восприятие образа Горация встречается в стихотворениях М. Амелина И. Бродского, Б. Кенжеева, А. Кушнера, В. Уфлянда. Во всех произведениях образ Горация сопровождается повышенной оценочностью и осмысливается поэтами прежде всего в контексте размышлений о смерти и надежде на поэтическое бессмертие.

В стихотворении Б. Кенжеева «В чистом поле торчу, как перст» Гораций становится символом поэтического бессмертия, статичным образом и частью утопии античного мира. Произведение И. Бродского «На смерть Т.С. Элиота» состоит из трех частей, в последней из которых автор размышляет о посмертной памяти. Образ Горация в этом произведении тоже связан с темой бессмертия, но в отличие от стихотворения Б. Кенжеева Гораций представляется лирическому субъекту живым человеком, а не символом: «Будет помнить каждый знак, как хотел Гораций Флакк» [2]. И. Бродский обращается не только к личности Горация, но и к его творчеству и прежде всего к оде «К Мельпомене». О творчестве рассуждает и А. Кушнер. Гораций появляется в стихотворении «В полуплаще, одна из аонид...» в ряду других поэтов, к образам которых обращается автор, рефлектируя над собственным творчеством и соотнося его классической поэзией. Гораций представляется лирическому субъекту как один из поэтов, чье творчество является эталоном. В произведении «Я скверные видел картины» А. Кушнера образ Горация появляется в качестве ложной номинации адресата, в ироническом контексте: «Подумаешь, тоже Гораций!». Этим подчеркивается высокая оценка в сознании лирического субъекта личности и творчества Горация, и пренебрежительная номинация подчеркивает невозможность быть похожим на него. Лирический субъект, обличая адресата, апеллирует не только к личности римского поэта, но и к оде «К Мельпомене» Горация: «Твой бронзовый памятник – дым» [5]. Гораций значим в этом стихотворении тоже как бессмертный поэт, приблизиться к которому адресату не дано.

В произведениях М. Амелина и В. Уфлянда образ Горация снижается, вводится в современную действительность. У В. Уфлянда Гораций появляется на фоне реалий современной действительности. Стихотворение носит игровой

характер, оно окрашено иронией, автор использует разговорную лексику. Стихотворение посвящается И. Бродскому и является сниженным вариантом панегирика. Во всех названных произведениях образ Горация встречается в тексте, исключение составляют произведения С. Завьялова и «Подражание Горацию» И. Бродского, а также «Горацианская ода на возвращение Кромвеля из Ирландии», которая является его переводом.

Цитаты и переводные цитаты из произведений Горация встречаются в творчестве М. Амелина, И. Бродского, С. Завьялова, И. Иртеньева, Б. Кенжеева, Т. Кибирова, Ю. Левитанского, Ю. Мориц, О. Седаковой, В. Соколова, Е. Шварц, М. Щербакова.

Ода Горация «Ad Leucoпоен» трансформируется и осмысливается в одноименном произведении М. Щербакова. Автор обращается к оде Горация, пересматривая его произведение и связанные с ним мировоззренческие установки, и в некоторых частях стихотворения предлагает свой вариант перевода отрывков из оды античного поэта. Знаменитая цитата из этой оды «К Левконое» осмысливается в стихотворении И. Иртеньева «Клеветнику», но автор переводит горацианский призыв, приближая его к разговорному языку обыденности: «лови момент». В похожих интонациях автор обращается и к теме поэтического бессмертия, к образу памятника: «свою завистливую ногу/ на мой гранитный постамент» [4].

Неоднозначно интерпретирует «золотую середину» Горация В. Соколов. Она, с одной стороны, обытовлена и воспринимается как устойчивое выражение, не связанное с мировоззрением Горация, а с другой – осознается как этический принцип, что отсылает к горацианскому пониманию «золотой середины».

Стихотворение Ю. Мориц апеллирует к «Посланию к Нумицию» Горация и является обыгрыванием афоризма «Nil admirari» («Ничему не дивиться»). Гораций считает, что этот принцип помогает обрести гармонию и счастье: «Сделать, Нумиций, счастливым себя и таким остаться / Средство, пожалуй, одно только есть: «Ничему не дивиться» [2]. Гораций видит счастье в уравновешенности, отсутствии «трепета сердца» и страха. Ю. Мориц рассуждает о другом. Отсутствие удивления она заменяет невозможностью быть в чем-то уверенным: «Кто может быть в чем-то уверен?./ Никто. Никогда. И ни в чем» [3]. Миропонимание стихотворения Ю. Мориц непрочен и зыбок, лирическое сознание находится не столько в поисках счастья или опоры, сколько рассуждает о том, что опору найти невозможно и рок неотвратим.

Размышления о смерти, жизни и творчестве продолжаются в произведении Е. Шварц «Хомо Мусагет (Зимние музы)», эпиграфом к которому является цитата из оды Горация «К Каллиопе». Гораций в своей оде обращается к музам, рядом с которыми он способен «смело пуститься по бурному Босфору» [4]. Для Горация Музы – защитники. Лирическое сознание произведения Е. Шварц тоже неоднократно обращается к Музам. Но для нее они – единственные, кто остался, в то время как все боги умерли. Музы – вечные образы и одновременно символы творчества. То, что музы живы, для лирического субъекта Е. Шварц может означать возможность поэтического бессмертия, а также и актуализируется непреходящий смысл творчества.

Рефлексии о творчестве и обращение к музе разворачиваются в стихотворении Б. Кенжеева «И рассуждал бы связно, да язык мой...», в котором выстра-

ивается параллель с одой Горация «К Мельпомене». Но если Гораций осознает значимость прожитой жизни и знает, что его творчество станет бессмертным, в лирическом сознании Б. Кенжеева эти установки переворачиваются. Лирический субъект чувствует, что «дар оскудевает», рифма становится «тощей». То есть творчество замыкается в двух фразах – то «я тебя люблю», то «весь я не умру». Для лирического сознания это темы, которым посвящено множество стихотворений, темы, о которых рассуждают все поэты, и в этом контексте собственное творчество поэт не выделяет, видя в нем лишь повторение уже сказанного. Аппелляция к оде Горация подчеркивается еще и обращением к латинскому языку («дифтонгов в русском нет»), а также образу Италии. Цитата из оды Горация осмысливается через стихотворение А.С. Пушкина, но, несмотря на эту опосредованность, Б. Кенжеев актуализирует смыслы, заложенные в горацанской оде, хотя и трансформирует их.

Реминисценции распространены не менее, чем цитаты. Они встречаются в творчестве М. Амелина, И. Бродского, Е. Винокурова, Б. Кенжеева, Н. Рубцова, О. Седаковой.

Комплекс смыслов, значимый в поэтическом мире Горация, осмысливается в стихотворении Б. Кенжеева «Как славно дышится-поется!». Поэт апеллирует к оде Горация «К Левконое», но на фоне осознания быстротечности жизни в лирическом сознании выстраиваются размышления о судьбе поэта и возможности поэтического бессмертия.

Произведение И. Бродского «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» посвящено любовному сюжету, и отсылка к памятнику Горация значима как итог этого сюжета. Однако образ памятника у И. Бродского значительно трансформируется по сравнению с горацанским. Он не только становится стеклянным («воздвиг бы я не камень, но стекло»), но и обретает новые смыслы, становясь символом любви, разлуки, памяти: «как воплощение гудбая/ и взгляда, проникающего сквозь» [2].

Знаменитая «золотая середина» Горация осмысливается в произведении М. Амелина «Стихи ли слагаю, Венеру...». В отличие от стихотворения В. Соколова «золотая середина» не названа, однако мировоззренческие принципы Горация, рефлексии по поводу которых нет у В. Соколова, актуализируются в произведении М. Амелина. Соразмерность является жизненной установкой лирического субъекта М. Амелина, и она, в отличие от оды Горация, изначально присуща ему, а не является предметом сознательно выстраиваемой линии поведения. «Золотая середина» воспринимается лирическим субъектом не как идеал, к которому необходимо стремиться, а как принцип, изначально присущий носителю лирического сознания.

Обращения к поэтике Горация представлены несколькими примерами – «Ars poetica» Т. Кибирова и Ю. Левитанского, «De arte poetica» О. Седаковой, «Подражание Горацию» И. Бродского, «Эклога» Т. Кибирова.

Т. Кибиров и Ю. Левитанский, обращаясь к «Науке поэзии» Горация, излагают свои взгляды на поэзию. Но если для Т. Кибирова поэзия, прежде всего в окружающем мире, на красоту которого он обращает внимание читателя, то Ю. Левитанский рассуждает о назначении поэта в современном мире. Поэзия для него является восстановлением забытого: «Все стихи однажды уже были.../ Нам восстановить их предстоит» [6]. Содержание «Науки поэзии» Горация не затра-

гивается в произведениях Т. Кибирова и Ю. Левитанского, но паратекст ориентирует именно на Горация и его взгляды на поэзию. Для Горация художественное произведение прежде всего должно быть гармонично, соразмерно. Этому принципу подчиняется не только форма произведения, но и авторские установки: «Взявшись писать, выбирай себе задачу по силам!» [1]. Поэзия, по мнению Горация, должна избегать посредственности и мелочей. Гораций приходит к выводу, что и талант, и наука неразрывно связаны. Все эти размышления не становятся предметом рефлексии Т. Кибирова и Ю. Левитанского, однако их произведения апеллируют к установке Горация описать, чем для него является художественное произведение и по каким правилам оно создается.

Еще один вариант рецепции «Ars poetica» Горация представлен в произведении О. Седаковой «De arte poetica». О. Седакова осмысляет не только «Науку поэзии» Горация, но и его мировоззрение и творчество: «все двинулось, от счастья очумев,/ как «все пройдет», горациев напев» [7]. Поэзия в произведении О. Седаковой рефреном называется «большой вещью», поэзия для лирической героини становится «всем» – «и что я пропадал,/ и что мой разум ныл и голодал...» [7]. Хотя паратекст задает установку на осмысление поэтики Горация, О. Седакова апеллирует к его мировоззрению и творчеству, рассуждая, чем для нее является поэзия, а затем размышляя о жизни и обращаясь к ней. Осознание краткости жизни выстраивает параллели с одой Горация «К Левконое». В лирическом сознании поэзия становится опорой, тем, что способно преодолеть смерть: «Она сплет, когда нас отплет» [7]. Таким образом, рефлексии о возможности поэтического бессмертия тоже ориентируют на мировоззрение Горация.

Обращения к Горацию в современной русской поэзии широко распространены и имеют многообразные способы выражения: переводы, цитаты, аллюзии и реминисценции. В каждом произведении они играют определенную роль – миромоделирующую, сюжетостроительную, орнаментальную и др. Больше всего распространены обращения к творчеству и мировоззрению Горация, которые встречаются в тексте и паратексте, в оригинальном и переводных вариантах. Рецепция поэтики Горация менее распространена, однако, упомянутые произведения не исчерпывают обращений к поэтике и творчеству Горация в современной русской поэзии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амелин М.* На потеху следопытам // Знамя. 2000. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru>
2. *Бродский И.А.* Бог сохраняет все. М. : МИФ, 1992. 302 с.
3. *Иртенев И.* URL: <http://irteniev.msk.ru>
4. *Квинт Гораций Флакк.* Оды, сатиры, эподы, послания / пер. с латинского. М. : Художественная литература, 1970. С. 384.
5. *Кушнер А.С.* Таврический сад. Л. : Советский писатель, 1984. 103 с.
6. *Левитанский Ю.Д.* Избранное. М. : Художественная литература, 1982. 559 с.
7. *Мориц Ю.П.* По закону – привет почтальону. М. : Время, 2006. 572 с.
8. *Седакова О.А.* Путешествие волхвов. М. : Логос, 2001. С. 123.
9. *Уфлянд В.* URL: <http://www.ironicpoetry.ru>